

Вера Тривина

Невольница

Роман

Вера Гривина

Невольница. Роман

«Издательские решения»

Гривина В.

Невольница. Роман / В. Гривина — «Издательские решения»,

Действие этого романа разворачивается в начале XI века. Здесь рассказывается о дальнейшей судьбе героини романа «Азалия». Она поменяла свое имя, и ей поначалу кажется, что самое страшное в ее жизни осталось позади. Однако Азу (так теперь зовут главную героиню) и ее мужа Вадима ждут новые испытания и приключения.

© Гривина В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Невольница Роман Вера Гривина

© Вера Гривина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Греческий берег

В ясный день 1001 года к берегам Пелопоннеса¹ приближались два двухмачтовых парусника. Была прекрасная погода. Сияющее в ярких лучах море выглядело на редкость спокойным, а торчащие из воды скалы казались стражами покоя этого безбрежного бирюзового простора. Ветер ровно, без резких порывов, дул в косые паруса.

Оба корабля возвращались из военной экспедиции, поэтому были заполнены ратниками. В таком обществе странно выглядела плывущая на одном из судов юная черноволосая красавица с мягким и немного наивным взглядом темно-карих глаз. Женщинам, смотрящим так на мир, самое место находиться у домашнего очага, а не в пути да еще среди грубых вояк.

Красавица стояла у правого борта, вблизи кормы, устремив свой взор вдаль, словно пыталась разглядеть что-то для себя очень важное.

– Аза! – услышала она, и на ее лице сразу расцвела улыбка.

– Да, Вадим! – откликнулась Аза, поворачиваясь к мужу.

Он заботливо поправил на ней плащ и проворчал:

– Ты уже час здесь стоишь. Наверное, продрогла.

– Нет, Вадим, мне не холодно, – возразила она.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил он. – Ты тоскуешь?

– Мне не о чем и не о ком тосковать? – ответила она.

И это было правдой. Все люди, любившие ее тогда, когда она еще звалась Азалией, ушли в иной мир, а о прошлой своей жизни ей не хотелось вспоминать.

Однако невольно Аза подумала о человеке, принесшем ей много горя, и зябко поежилась, что не ускользнуло от внимания Вадима.

– Ты все-таки замерзла.

– Нет, – ответила Аза.

Он ей не поверил:

– Но ты же вся дрожишь.

– Это не от холода, – призналась она. – Я вспомнила Бертрانا.

– Забудь о нем, – сказал Вадим, ласково обнимая ее за плечи. – Ты теперь моя жена, и я не дам тебя в обиду. А твой коварный жених давно в аду.

Аза тяжело вздохнула:

– Путь грешников в ад устлан телами праведников.

Вадим понял ее и кивнул, а она в очередной раз содрогнулась:

«Господи Иисусе! Пресвятая Дева! Я едва не стала женой убийцы своих родителей и дядюшки Тибо!»

Муж часто угадывал ее мысли. Вот и сейчас он проговорил с нежностью:

– Не вини себя, милая. Человеку не дано видеть чужую душу. Один Господь все знает.

– Да, Бог дал мне тебя, а ты спас меня от Бертрана – промолвила Аза и, улыбнувшись, добавила: – Мы замечательно проживем, когда закончится это путешествие.

Она тут же прикусила язык и рассердилась на себя. Последние ее слова Вадим мог воспринять, как жалобу на тяготы, которые ей приходится испытывать в пути. Нет, Азу никто не обижал, а, напротив, все старательно оберегают, но положение единственной женщины

¹ Пелопоннес – полуостров, примыкающий к Балканскому полуострову и соединяющийся с ним Коринфским перешейком. В описываемое время он принадлежал Византийской империи, сейчас является частью Греции.

на корабле было сопряжено с множеством неудобств. Однако зачем говорить об этом мужу? Чтобы он, не имея возможности помочь жене, чувствовал себя перед ней виноватым?

– Ты устала? – с сочувствием осведомился Вадим.

– Я потерплю, – виновато ответила Аза. – Главное, что мы вместе.

Он слегка коснулся ее волос, и от этой ласки она ощутила трепет. Но вокруг были люди, поэтому молодоженам пришлось, как обычно, накинуть узду на свои чувства. Что поделать, если с тех пор, как они покинули Обстакул, у них не было возможности остаться вдвоем? Хотя другие путники и старались им не мешать, пара никуда не могла спрятаться от посторонних глаз.

– До Царьграда² уже недалеко, – сказал Вадим.

«Там будет еще не конец пути, – подумала Аза. – Но мы хоть, слава Богу, сможем передохнуть».

К ним подошел печенег Каган. С некоторых пор Аза симпатизировала этому дикарю-язычнику, хотя вначале ею владел по отношению к нему суеверный страх. Но его доброта и почтительность быстро нашла отклик в ее душе. Привыкнув к Кагану, Аза мечтала о том, чтобы он принял христианство и спас свою душу от вечных мук.

Печенег что-то сказал по-русски.

– Скоро будет земля, – сообщил Вадим жене.

Аза тут же вспомнила о том, что Рында намеревается пополнить оскудевшие запасы еды и пресной воды.

«Значит, мы простоим какое-то время у берега, и возможно я смогу походить по твердой земле».

– А вот и берег! – встрепнулся Вадим.

Вдалеке показалась ошетилившаяся скалами холмистая полоска суши, а затем стали различаться на одном из склонов очертания крепости. Аза вспомнила Обстакул и машинально подумала:

«А на эту крепость мавры нападают?»

Повернув голову, она увидела неподалеку Рынду и поинтересовалась у него:

– Мы долго здесь пробудем?

– А ты чего-то хочешь? – задал он встречный вопрос.

Аза замялась:

– Нет... Хотя... Если бы ненадолго сойти на берег... Можно?

– Отчего же нельзя? – удивился Рында. – Погуляй с Вадимом, а мы подождем вас.

Аза смутилась. Она никак не могла привыкнуть к тому, что чужие люди угождают ей, причем не по чьему-то приказу, как это было в Обстакуле, а по своему собственному желанию.

На корабле все оживились. Собравшиеся на кормовой надстройке воины принялись что-то шумно обсуждать, размахивая руками и указывая в сторону берега. Поскольку разговор велся по-русски, Аза не понимала, о чем с таким жаром толкуют меж собой мужчины. Прислушиваясь к певучей речи, она сожалела о том, что успела выучить лишь несколько слов на родном для мужа языке.

«Нуно уже многое понимает, а я, как глухая».

Вспомнив о брате Санчи, Аза машинально отыскала его взглядом. Нуно как раз вылез из трюма и вытащил за собой мешок. Привыкший к тяжелому крестьянскому труду юноша прилежно справлялся со всем, что ему поручалось, однако Рында почему-то невзлюбил его. И у Вадима Нуно тоже вызывал раздражение. Аза не находила причин для неприязни к без-

² Русское название Константинополя.

обидному, как ей казалось, пареньку, но поговорить на эту тему она не решилась ни с мужем, ни с Рындой. Самой же ей было жаль брата Санчи.

Тем временем оба парусника зашли в бухту.

– Крепостные стены словно мраморные, – удивилась Аза.

– Это и есть мрамор, – откликнулся Рында. – Из него в давние времена возводили языческие святилища да высекали идолов, а когда греки уверовали в Спасителя, они богопротивные идолища разрушили и разбили, а из их осколков возвели дома и крепости.

Крепость была на холме, а его подножье было усеяно лачугами.

– У моря греки живут, – сказал Рында. – А в здешних горах, как я слышал, есть и иное племя – милинги³.

– Милинги? – заинтересовался Вадим. – Что это за народ?

– Они одних корней с нами русскими, и их язык похож на наш⁴, – пояснил старый воин.

У небольшой пристани уже стоял на причале двухмачтовый парусник, и оставшегося места хватило только для одного из только что прибывших судов – второй корабль остановился в бухте.

– Не очень-то нам здесь рады, – проговорил Вадим с тревогой.

Пристань была запружена мужчинами в кольчатой броне⁵ и шлемах – многие из этих людей смотрели с подозрением на прибывшие парусники, а трое ратников приблизились с грозным видом к сходням, едва те были спущены. Рында поспешил сойти вниз. Состоялся короткий разговор, затем успокоившиеся воины ушли, а Рында, вернувшись к себе на борт, сообщил своим спутникам, что на соседнем с ними судне находятся стратиг и турмарх, а пристань заполнена их многочисленной свитой, которую и обеспокоило прибытие неизвестных кораблей.

Кто такой стратиг, Аза знала. Рында рассказывал, что империя была разделена на части, называемые греками фемами, где главенствовали императорские наместники, которые и называются стратигами.

– Кто такой турмарх? – поинтересовалась Аза.

– Управитель побережья, – ответил Рында.

– Зачем они оба здесь? – спросил Вадим.

– Провожают ладью на остров Крит.

Глядя на кишашую ратниками пристань, Аза почувствовала себя неудобно, и ее охватило недоброе предчувствие. Она даже была готова отказаться от прогулки.

– Пойдем, Аза, – позвал ее муж. – Я сам соскучился по твердой земле под ногами.

Она кивнула и не стала выражать вслух свои опасения.

«Должно быть, меня просто пугает неведомое».

– Ступайте! – поддержал Вадима Рында. – Возьмете с собой пятерых ратников.

– Зачем нам ратники? – спросила Аза.

– На всякий случай.

– А можно и мне с ними пойти? – заискивающе спросил у Рынды подбежавший к нему Нуньо.

– Нет! – рявкнул старый воин. – Я тебя не отпускаю! А покинешь ладью, останешься на берегу!

Юноша обиженно шмыгнул носом, и Азе стало его жаль.

³ Милинги – славянское племя, обитавшее на Пелопоннесе в Средние века.

⁴ В VII – IX веках на Пелопоннесе поселились славяне, но к X веку они были оттуда вытеснены. Только два славянских племени, милинги и эзериты удержались в горах Лакедемона – они признали свою зависимость от Византийской империи и платили дань.

⁵ Кольчатая броня – широкая, сшитая чаще всего из кожи рубаха, на которую рядами были нашиты металлические кольца. Она служила защитой для воинов, пока в широкий обиход не вошла кольчуга.

«Почему Рында и Вадим так плохо с ним обращаются? Слишком они к нему строги».
– Пойдем, Аза! – повторил Вадим.

Оказавшись вместе с мужем и пятерыми ратниками на берегу, Аза ощутила огромное удовольствие, оттого что у нее не качается опора под ногами. Они сошли с пристани и медленно побрели мимо лачуг. Селение, раскинувшееся у подножья скалистого холма было рыбацким: отовсюду пахло свежей и жареной рыбой, возле жилищ сушились сети, мужчины чинили лодки. Аза с любопытством поглядывала на людей. Смуглые и темноволосые греки все одевались в туники – длинные женские и короткие мужские. На трех направляющихся в сторону крепости мужчинах были короткие плащи из грубой кожи. Гречанки, за исключением девочек и совсем юных девушек, покрывали свои головы накидками и платками.

На путников жители селения не обращали ни малейшего внимания. Очевидно, в этих местах привыкли к чужакам.

– Жаль, что здесь нет храма, – вздохнула Аза.
– Наверняка он есть в крепости, – предположил Вадим.
– Но это же далеко.
– Да, далековато, – согласилась муж.

На самом деле, крепость находилась не так уж и далеко, но подъем на гору был крутым. Аза с сожалением посмотрела на белеющие наверху стены.

– Если мы отправимся туда, то вернемся на корабль только к вечеру.

– Рында вряд ли тебе откажет... – начал Вадим.

– Мне тяжело будет добираться до крепости, – прервала его жена.

«Да и не стоит злоупотреблять добрым ко мне отношением Рынды», – добавила она про себя.

– Пожалуй, ты права, – согласился с ней муж.

На пристань они и их спутники вернулись тогда, когда стратиг и турмарх только что сошли с готовящегося к отплытию на Крит парусника. Воины расступились, давая важным особам дорогу.

– Подождем, пока они пройдут, – сказал Вадим.

Азу поразил роскошный наряд стратига, поскольку у нее на родине даже виконты и графы одевались скромнее. Наместник фемы Пелопоннес был в украшенной золотым шитьем зеленой тунике и алом, с огромной алмазной застежкой на правом плече плаща, а на его голове сияла покрытая мелкими изумрудами золотая диадема, с которой свисали длинные жемчужные подвески. Сам обладатель этого пышного одеяния отнюдь не блистал красотой, будучи мужчиной средних лет, невысоким, толстым, обрюзгшим и с жидкой бородкой.

За стратигом шагал тяжелой поступью высокий и поджарый турмарх в воинской броне серебристого цвета, лиловой тунике, плаще цвета морской волны и тонким золотым обручем на седых волосах.

– Он не похож на грека, – шепнула Аза мужу, указав взглядом на турмарха.

– Рында поминал каких-то милин... – начал Вадим, но прервался на полуслове, потому что турмарх вдруг споткнулся и упал.

Ратники и слуги засуетились, пытаясь поднять своего неловкого начальника, но как только тот пошевелился, его лицо исказилось от боли

– У него что-то с ногой, – предположил Вадим.

– Бедняга, – прошептала с жалостью Аза.

– Подожди меня, – неожиданно попросил ее муж и направился к турмарху.

Она растерянно посмотрела ему вслед.

«Зачем он меня оставил? Я без него чувствую себя одинокой».

К Азе пробрался сквозь толпу Рында.

– Зря Вадим полез туда, куда его не просили, – проворчал он.
– Ему что-то грозит? – испугалась она.
– Вряд ли. Просто нам пора в путь, а теперь мы можем здесь задержаться надолго.
Между Вадимом и стратигом произошел короткий разговор.
– Вадим же не говорит по-гречески, – удивилась Аза.
– Здесь многие знают язык итальянцев⁶, а он с вашим языком схож, – ответил ей Рында.
Аза успела разглядеть, как ее муж склонился над турмархом прежде, чем Вадима заслонили чужие спины.
– Что там происходит? – прошептала она.
Рында принялся ее успокаивать:
– Ну, чего ты переживаешь? Чай, не в первый раз твой муж кого-то лечит. Он ведь помогал уже и князьям, и духовным особам...
– Ничего не видно, – не слушая его, пробормотала Аза.
Появился Нуньо и предложил ей, заискивающе улыбаясь:
– Хочешь, я узнаю, что происходит?
– Ты почему здесь? – накинулся на него Рында. – Я же велел тебе не покидать ладью!
– Не брани его, ради Христа, Рында! – вмешалась Аза. – Может, он и впрямь что-нибудь узнает.
– Ладно, ступай, – велел старый воин юноше.
Тот нырнул в толпу.
– Ловкий малый, – проворчал Рында и, нахмурившись, добавил: – Слишком ловкий.
Время шло, а Вадима все не было. Не возвращался и Нуньо.
– Пойду я, туда... – начал Рында и прервался, потому что его внимание привлекли два юноши в одинаковых туниках темно-красного цвета.
Аза тоже заметила этих пареньков.
– Кажется, они к нам идут, – проговорила она дрожащим голосом.
– Вроде бы к нам, – согласился Рында.
Когда юноши приблизились, один из них что-то сказал по-гречески, Аза недоуменно посмотрела на Рынду.
– Нас зовет к себе стратиг, – ответил он на ее немой вопрос.
– Кого зовет? – не поняла она, поскольку от волнения совсем перестала соображать.
– Тебя и меня.
– Зачем?
– Должно быть, что-то нам скажет. Пойдем! Ничего плохого мы не услышим.
Аза недоверчиво покачала головой, тогда Рында показал глазами на пареньков в красных туниках. Только теперь до нее дошло, что в поведении обоих юношей нет даже намек на враждебность. Но все-таки ей по-прежнему было не по себе. На сердце у Азы полегчало только, когда она увидела мужа, и он улыбнулся ей краешками губ.
– Красивая у тебя жена, – изрек стратиг.
Он окинул Азу пристальным взглядом, чем смутил ее. Она машинально склонила голову, а стратиг тут же отвернулся от нее и заговорил на своем языке с поддерживаемым двумя слугами турмархом.
«Должно быть, Вадим помог этому неловкому человеку, раз он не корчится от боли», – подумала Аза.

⁶ То есть, итальянцы. Существовавшие тогда на Аппенинском полуострове диалекты и наречия так же, как диалекты и наречия французского языка все произошли от так называемой народной (ее еще называют вульгарной) латыни и имели много общего, не зря старофранцузский язык использовался в Италии, как один из литературных языков.

Воины подвели к турмарху лошадь, и помогли ему взобраться в седло, после чего небольшая кавалькада медленно двинулась по крутой дороге по направлению к крепости. Проводив всадников взглядом, стратиг вновь обратил внимание на Азу.

– Я стратиг фемы Пелопоннес, Никифор Нихерит, – представился он.

– А я... – начала она.

Он прервал ее:

– Мне известно, кто ты.

Правитель Пелопоннеса говорил на понятном его собеседнице языке: тем более, что она привыкла в Нарбонне к разным диалектам и наречиям.

«Наверное, это и есть италийский язык», – предположила Аза.

– Твой муж – замечательный лекарь, – продолжил стратиг. – Он помог турмарху.

– Ничего страшного не случилось, – подал голос Вадим. – Кость, похоже, цела.

– Ты получишь плату серебром, – пообещал Нихерит.

«Теперь нам есть на что жить», – обрадовалась Аза.

Но тут же она подумала, что Вадим наверняка отдаст полученное серебро Рынде. И это будет справедливо: ведь, если бы соотечественники ее мужа не заплатили после его поединка с Бертраном выкуп графу Гислаберту, страшно подумать, что могло бы произойти не только с убийцей коменданта крепости Обстакул, но и с ней, виновницей этого происшествия. Вадима наверняка казнили бы, а она в лучшем случае отправилась бы в монастырь, а в худшем...

Аза понимала, что граф Русильона мог бы поступить с ней так же, как поступил когда-то граф Вандома с ее бедной матерью.

– Я зову вас к себе в Коринф, – вдруг сказал Нихерит.

– Зачем? – растерянno спросила Аза.

– Мой эскулап умер десять дней назад, а нового найти трудно. Между тем лекарь нам очень нужен: моя жена, Феофания, постоянно хворает, у моей дочери, Евдокии, и моего сына, Леонида, случаются недомогания, да и мне порой бывает худо. Я предложил твоему мужу заняться нашим здоровьем, пообещав ему за это щедрую плату.

Аза недоуменно посмотрела на Вадима. Поймав ее взгляд, Нихерит добавил:

– Он сказал, что его ответ зависит от тебя.

– И еще от моего друга, – уточнил Вадим.

Только теперь стратиг обратил внимание на обескураженного и хмурого Рынду, а тот в свою очередь спросил у Вадима:

– Ты решил здесь обосноваться?

Вадим отрицательно покачал головой.

– Господь с тобой! Я всего лишь не прочь подкопить средств. Ты же знаешь, каковы мои помыслы.

– Помыслы у людей меняются, – буркнул Рында.

– Но не у меня.

– Он послужит мне до тех пор, пока я не найду ему достойную замену, – сообщил стратиг.

– Но не более полугода, – отрезал Вадим.

– А Вадим сможет оставить службу, когда пожелает? – недоверчиво осведомился Рында.

Когда Нихерит поклялся в том, что он не собирается удерживать у себя лекаря силой, Рында махнул рукой.

– Ладно, оставайтесь. Может быть, оно и к лучшему, что ты, Вадим, здесь будешь служить, а не в Царьграде. Там служба все больше опасная, а у тебя как-никак жена молодая.

– А ты, Аза, почему молчишь? – обратился Вадим к жене. – Последнее слово за тобой.

– Я, как ты, – ответила она, старательно скрывая свою радость.

Она сочла это внезапное окончание путешествия подарком, ниспосланным ей свыше. В памяти Азы тут же возникли недавние неприятности. Почти сразу после отплытия из Обстакула она почувствовала себя скверно из-за качки и долго лежала пластом, не реагируя ни на что, и не на кого, включая горячо любимого мужа. Когда же ее состояние улучшилось, обнаружились другие проблемы, часть которых она постаралась скрыть от Вадима, чтобы его не огорчать. Приходилось Азе переживать и страх, когда на них дважды пытались напасть, а в третий раз напали. Пока воины Рынды отбивались от неприятеля, единственная среди путников женщина отчаянно молилась в трюме. Измотали ее порядком и бытовые неудобства, и она с удовольствием подумала о том, что следующую ночь ей предстоит провести в нормальной постели, а не на куче соломы и тряпья.

«Господи Иисусе и Пресвятая Дева! Благодарю за оказанную милость!»

– Если моя жена согласна, мы остаемся, – объявил Вадим.

Стратиг удовлетворенно кивнул.

– Тогда собирайтесь. Через час мы отправляемся в Коринф.

Аза и Вадим поднялись на борт корабля. Она была в прекрасном настроении, но замечала, что муж озабоченно хмурится.

«Чем он недоволен?»

Пока Вадим беседовал с Рындой, его жена собирала вещи. Когда она почти закончила, к ней подбежал Нуньо и неожиданно сообщил:

– Я тоже остаюсь.

– Почему? – удивилась Аза.

– Благородный сеньор Нихерито берет меня к себе на службу.

«Благородный сеньор Нихерито» – это, конечно же, был стратиг фемы Пелопоннес Никифор Нихерит. Нуньо коротко поведал о своей с ним беседе, закончив этот рассказ словами:

– Я ему понравился.

– Это замечательно! – искренно порадовалась за юношу Аза.

– Ты ко мне добра, да возблагодарит тебя за это Господь, – вздохнул он. – А вот твой муж с трудом меня терпит. Мне жаль, что я ему неприятен.

Аза виновато развела руками.

– Не обижайся на Вадима. Думаю, со временем он поймет, что ошибался в тебе.

Она поискала взглядом мужа и нашла его рядом с Каганом. Вид у печенег был хмурый.

«Этот язычник очень привязался и к Вадиму, и ко мне», – подумала Аза.

Она вновь пожелала Кагану поскорее уверовать в Иисуса и спасти свою душу.

Вадим подошел к жене.

– Ты готова, Аза?

Вместо ответа она задала свой вопрос:

– Тебе ведь жаль расставаться с Рындой, и с Каганом?

– Конечно, жаль.

Почувствовав себя виноватой, Аза замямлила:

– И все из-за меня... Но я могла бы еще потерпеть... Если тебе не хочется...

– Я уже дал свое согласие, – прервал ее Вадим и, нежно ей улыбнувшись, добавил: – Ты со мной, а без других людей я могу и обойтись.

Рында решил отплыть сразу после отъезда Вадима и Азы. Провожая друзей, старый воин старался выглядеть спокойным, однако его глаза были затуманены печалью. Он и Вадим, переговорив на своем родном языке, крепко обнялись, после чего Рында ласково погладил по голове Азу.

– Берегите друг друга, – пожелал старый воин дрогнувшим голосом.

Глава 2

На новом месте

Кавалькада двигалась между скалистых гор и живописных долин. Аза и Вадим ехали вслед а стратигом: она на рыжем муле, ее муж на сером, пятнистом жеребце. В начале пути у молодой женщины было приподнятое настроение. Она любовалась красивыми видами, а от горного воздуха даже немного опьянела. Однако резкая перемена обстановки скоро обернулась для нее усталостью. Аза перестала смотреть по сторонам, а занялась борьбой с напавшей на нее дремотой.

– Что с тобой? – забеспокоился Вадим.

– Я всего лишь немного устала.

– Потерпи еще немного.

Она улыбнулась ему, но улыбка получилась вымученной.

Очень некстати Аза вспомнила путь от Перпиньяна до Обстакула. Тогда у нее тоже было приподнятое настроение, постепенно сменившееся дремотной усталостью. И природа Пелопоннеса отчасти походила на природу Русильона.

«Вадим говорил, что на его родине все иначе. Там нет гор со скалами и крутыми склонами, а есть только невысокие холмы. А еще он рассказывал о густых лесах, где растут деревья с черно-белыми стволами. Как же такое дерево называется? Не помню. Бер... Бер... Кажется, береза. Предки Вадима считали это дерево священным...»

Аза все-таки задремала и даже не почувствовала, как муж осторожно снял ее с мула и посадил впереди себя. Очнулась она, услышав громкие возгласы. Аза подняла голову и ахнула. Перед ними высился скалистый холм, на склоне которого была многоярусная крепостная стена.

– Что это? – вырвалось у Азы.

– Коринф, – ответил ей один из слуг стратига.

– Значит, мы уже добрались?

– Не совсем, – подал голос Вадим.

Аза только теперь сообразила, что она уютно устроилась в его объятиях. Он же каким-то невероятным образом одной рукой поддерживал жену и управлял конем, а другой – тянул за узду ее мула. Смущенно покраснев, Аза шепотом попросила:

– Посади меня обратно.

Вадим послушно исполнил ее просьбу.

Оставшийся путь всадники преодолели быстро и еще до наступления вечера добрались до необычайной красоты усадьбы, которую Аза сразу же про себя назвала виллой, как это было принято на ее родине. В таких неукрепленных домах с хозяйственными постройками знатные франки жили с незапамятных времен, и только в X веке виллы начали уступать место укрепленным замкам. Эти перемены пока что происходили в основном на севере королевства, а на юге, в том числе и в Нарбонне, вилл оставалось еще немало, однако вряд ли хоть одна из них походила на усадьбу стратига Пелопоннеса, где вокруг огромного дома из белого мрамора, других таких же мраморных строений, вымощенного опять же мрамором двора и бронзового фонтана в виде распускающегося цветка раскинулся великолепный сад с необычайной красоты растениями.

На ступеньках беломраморной лестницы, ведущей к главному входу в дом, стояли члены семьи стратига – болезненного вида женщина лет тридцати пяти, красивая, стройная девушка и довольно хилый, костлявый подросток. Сойдя с коня, Нихерит недолго поговорил

с ними, после чего его жена посмотрела на Вадима с сомнением, дочь – с любопытством, а сын – высокомерно.

– Значит, ты – искусный эскулап? – сказала девушка на латыни⁷. – Не очень-то в это верится. Наш прежний лекарь, упокой его, Господи, был седовласым старцем, а ты еще молод.

– Поверь, Евдокия, я привез для нас хорошего эскулапа, – сказал ей отец.

– А почему он такой грязный? – хмыкнул подросток.

– Леонид прав, – согласилась с братом Евдокия. – Лекарь весь в грязи с головы до ног, и от ее жены такой запах, словно она целый год не мылась.

Аза залилась краской, ощущая себя нищей оборванкой, которую волей случая занесло в приличное общество.

– Мы долго были в пути, – ответил Вадим, смерив Евдокию убийственным взглядом.

Она, казалось, не заметила его недовольства. Еще раз брезгливо поморщившись, дочь стратига проворчала:

– Пусть они помоются.

– Их проводят в баню, – пообещал ей отец.

Там, где Аза раньше жила, чистоте тела не уделяли внимания. Летом, впрочем, девушка любила окунаться в ручей, но в холодное время года купание было дорогим удовольствием, которое ее бабушка позволяла себе и внучке только перед праздником Крещения. Поэтому Аза и не страдала в дороге от невозможности помыться, чего нельзя сказать о большинстве ее спутников. Рында как-то сказал ей, что и он сам, и его товарищи ни о чем так не мечтают, как о бане.

«Теперь я узнаю, что такое баня», – подумала Аза.

Немолодая, крючконосая женщина в темном платке проводила лекаря с женой в глубину двора, где располагались два неказистых, приземистых здания.

– Должно быть, это мыльни для челяди, – предположил Вадим.

Служанка дала обоим знак следовать за ней в мыльню слева.

– Ой! – вскрикнула Аза, останавливаясь. – Мы что же, Вадим, будем вместе совершать омовение?

Из рассказа мужа о банях ей было известно, что там раздеваются донага. Значит, она должна предстать перед ним голой да еще и увидеть его наготу. От этой мысли ее бросило в жар.

– Я не смогу... – залепетала Аза. – У нас так не принято... Ты же знаешь...

Вадим понял ее. Он, как смог, объяснил служанке-гречанке, что он и жена хотят мыться отдельно друг от друга. Женщина возражать не стала, а, бормоча что-то на своем языке, указала Вадиму рукой на второе приземистое здание.

– Наверное, там моются мужчины, а здесь женщины, – догадался он.

Войдя в мыльню, Аза растерялась и даже пожалела о том, что опрометчиво отказалась от совместного с мужем омовения. Она понятия не имела, как себя вести. На ее счастье, крючконосая служанка осталась с ней, возможно догадавшись о тех затруднениях, которые возникнут у подопечной. Гречанка показала Азе знаками, что надо раздеться, а затем завела ее в другое помещение и предложила (опять же знаком) лечь на полку. Как выяснилось, вторая комната была предназначена для потения, что Азе поначалу показалось странным, но вскоре понравилось, и она лежала, млея от удовольствия, пока на нее не напала дремота. Выходившая куда-то служанка, вернувшись, увидела, что подопечная засыпает и бесцеремонно ее растолкала. Они направились в третье помещение, где был небольшой, отделанный

⁷ Имеется в виду, конечно же, не классическая, а народная латынь.

гранитом бассейн. Аза залезла в теплую воду, и та сразу же стала окрашиваться в темно-серый цвет.

Мытье длилось долго. Аза густо себя намыливала и старательно терла мочалкой, чтобы в другой раз никто не назвал ее при муже в грязнулей. Служанка же, поменяв два раза воду, опять ушла, а когда вернулась, помогла своей подопечной ополоснуться и вывела ее из мыльни. Только в раздевалке Аза вспомнила, что у нее нет ни чистого нижнего белья, ни чистой верхней одежды, но, как оказалось, помогающая ей гречанка принесла все необходимое, включая гребень. Аза надела на себя белую полотняную рубаху и простенькую серую тунику, затем занялась своей пышной шевелюрой, что оказалось нелегким делом, поскольку волосы распушились и торчали в разные стороны. Наконец, кое-как справившись с непослушной гривой, Аза накинула на голову большой платок, а на плечи плащ и последовала за служанкой.

Проникнув в дом через маленькую террасу, женщины двинулись по узкому коридору. В конце концов, гречанка подвела свою подопечную к одной из дверей.

– Мне сюда? – осведомилась Аза.

Служанка кивнула.

За дверью была небольшая, но светлая комната. Вадим уже находился там – он поднялся навстречу жене с плетеного стула.

– Вот и ты, наконец-то.

– Где мы? – спросила Аза.

– У себя, – ответил ей муж. – Нас сюда поселили.

Ее охватил восторг, ибо их с Вадимом жилище ей показалось великолепным. Их нельзя было сравнить даже с более просторными, но ужасно мрачными покоем в башни крепости Обстакул, где Аза стала бы хозяйкой, если бы вышла замуж за Бертрана. Что касается дома в усадьбе под Нарбонной, то он обветшал, отсырел, а местами и начал обваливаться. Теперь же ей предстояло жить в совсем иных условиях – в комнате с беломраморными стенами и застекленным, разноцветным окном. В правом углу этого замечательного покоя висел маленький образ Спасителя. Мебели было немного: кованый сундук, круглый столик, деревянный стул и мраморная скамья у стены.

Аза подошла к иконе и осенила себя крестным знамением, после чего поинтересовалась:

– А где мы будем спать?

– В опочивальне, – ответил Вадим, указав на вторую дверь.

Аза шагнула туда.

– погоди! – остановил ее муж. – Нам пора идти на вечернюю трапезу.

– А где мы будем трапезничать?

– За одним столом с хозяевами.

Кудрявый юноша проводил Азу и Вадима в большой зал с мозаичными картинами на стенах и украшенным узорами из мозаики полом. Там за длинным, обильно накрытым столом расположились все члены семьи стратига и еще какие-то люди. Все присутствующие были в шелковых одеждах и обвешаны дорогими украшениями.

Аза застыдилась своего скромного вида. Она не решилась надеть имеющиеся у нее несколько ценных вещичек (подарков Рынды на свадьбу), поскольку не знала, будет ли это правильно. Аза еще толком не понимала, как ей себя вести в своем новом положении и боялась попасть впросак.

Мужчины сидели по одну сторону стола, женщины – по другую. Азе это не понравилось: ей хотелось находиться рядом с мужем, но пришлось смиренно опуститься на указанное место между пожилой толстухой в похожем на чалму мавра головном уборе и молодой

остроносой женщиной в сплетенной из серебряных шнурков шапочке. Первая соседка Азы даже на нее не взглянула, вторая тихо представилась:

– Я, Агапия Асикрита.

– Очень приятно познакомиться, – ответила Аза, доброжелательно улыбаясь. – А я...

– Я знаю, что ты жена лекаря, – перебила ее Агапия. – А у меня сын приболел.

Аза поняла, чего от нее хочет соседка, и пообещала:

– Я скажу об этом мужу.

– Да возблагодарит тебя Бог за доброту.

После молитвы все принялись за еду. Обстановка за столом была не очень церемонной. Нихерит переговаривался с сотрапезниками и шутил, а они откликались на его шутки смехом. На лекаря и его жену никто поначалу не обращал внимание.

Аза ела с удовольствием, поскольку проголодалась, да к тому же кушанья аппетитно пахли и были необычайно вкусны. Какое-то время почти все ее внимание было поглощено трапезой, но, когда она немного насытилась, то заметила, что у дочери стратига возник интерес к Вадиму. Евдокия вдруг принялась расспрашивать нового лекаря о болезнях и способах лечения, добываясь от него подробных ответов, что было за столом явно неуместно.

Нихерит сердито прервал дочь:

– Довольно! У меня нет желания об этом слушать!

Нисколько не смутившись, она перевела разговор на другую тему – о том, что Вадиму и его спутникам пришлось пережить во время путешествия.

– На вас часто нападали? – спрашивала Евдокия. – А бури случались?

Хотя он отвечал неохотно, Аза чувствовала все большее волнение, ибо дочь стратига была слишком уж хороша собой. Евдокия обладала точеными чертами лица, ее волосы имели ореховый оттенок, а кожа поражала белизной (притом, что остальные члены этой семьи были, как полагается южанам, смуглыми). Стройную фигурку девушки красиво облегал нежно-розовая туника. Из украшений дочь стратига отдавала предпочтение жемчугу, который был у нее и на шее и в аккуратно уложенных волосах.

Глядя на ослепительную Евдокию, Аза думала о своей скромной одежде и о своих волосах, которым так и не удалось придать после бани достойный вид.

«Я похожа на торговку с нарбоннского рынка».

Когда трапеза закончилась, Аза почувствовала облегчение, однако неприятный осадок у нее на душе остался.

– Дочь стратига – красавица, – сказала она с нарочитой небрежностью по возвращению в отведенные для них с мужем покои.

– Милая девица, – отозвался Вадим, зевая.

Азу одолевали сомнения: вдруг он просто старается не огорчать ее, и на самом деле красавица Евдокия тронула его сердце.

– Пора ложиться спать, – сказал Вадим.

– Да, пора – согласилась Аза.

– Ступай в опочивальню.

В опочивальне было тихо. Из полуоткрытого окна мягко лился вечерний свет, отражаясь лиловыми бликами на широком ложе.

«Нам здесь не будет тесно», – неожиданно для себя подумала Аза и покраснела.

Ее с мужем первая брачная ночь в Обстакуле была пока что и единственной их ночью. В пути Вадим не раз бросал на жену вожделенные взгляды, но тут же справлялся с собой. И она, как только в очередной раз испытывала желание оказаться в жарких объятиях мужа, просила Бога помочь ей одолеть искушение. Теперь их вынужденное воздержание закончилось.

Дрожа всем телом, Аза сняла с себя тунику и нырнула под одеяло. Скрипнула дверь. Вадим вошел в опочивальню закрыл окно и начал освобождаться от одежды. Сгорающей от нетерпения Азе казалось, что муж раздевается слишком медленно. Наконец, он забрался к ней, и едва его руки коснулись ее кожи, она мгновенно забыла и о дочери стратига, и вообще обо всем на свете...

Изголодавшиеся друг по другу они до глубокой ночи пребывали в плену у своей любви. Когда же, наконец, их страсть улеглась, Аза почти сразу уснула, однако в голове у нее успела мелькнуть мысль:

«Вадим любит меня... Ему нужна только я... Мы будем счастливы...»

Глава 3

Евдокия

Жена стратига страдала от болей в сердце, частых головокружений, приступов слабости и прочих недугов. Но уже через несколько дней после появления Вадима она почувствовала себя лучше. Весть о хорошем лекаре быстро разнеслась по Коринфу, и многие богатые коринфцы пожелали стать его пациентами. Вадиму было разрешено в свободное от основных его обязанностей время пользоваться горожан.

Аза не видела мужа целыми днями, поэтому чувствовала себя одиноко. Челядь игнорировала иноземку. Из слуг только Феоктиста – та самая пожилая женщина, которая помогла Азе вымыться в бане – откликалась на просьбы жены лекаря, а остальные челядинцы что-то бормотали по-гречески и с нарочитым недоумением пожимали плечами. Столь же непонятливыми были и жены чиновников. Даже просившая в первый день у Азы помощи Агапия Асикрита, чей муж был секретарем стратига, едва ее маленький сын выздоровел (недомогание у мальчика оказалось пустяковым), старательно избегала жену лекаря.

Больше всего Азу задевало высокомерное пренебрежение к ней находящихся в услужении у стратига евнухов. Впрочем и она их старательно избегала, поскольку они вызывали у нее омерзение, напоминая о покойном Арланде Евнухе.

По сути, Аза чувствовала себя почти так же, как в Нарбонне – с той разницей, что теперь она еще меньше понимала, почему ее презирают окружающие. Ей теперь было даже хуже, потому что раньше ее опекали бабушка и дядя, с которыми она делилась своими проблемами. А Вадим очень уставал за день, и Аза, жалея его, не говорила с ним о своих неприятностях.

Единственным ее собеседником был Нуньо. Его определили ухаживать за мулами, и он быстро освоился в новой обстановке. Азу удивляло, как этот юноша, совершенно не владея греческим языком, умудрился за короткий срок узнать многое о греках. Он делился с ней полученными сведениями и высказывался по поводу того, почему ее невзлюбили и челядинцы, и жены чиновников.

– Слугам не нравится, что ты чужеземка, – говорил Нуньо. – Греки вообще всех иноплеменников презирают и называют варварами. Со мной им проще: я убираю дерьмо за мулами, а тебе они по твоему положению должны прислуживать. Достопочтенным же доньям не нравится твоя красота: они за своих мужей боятся.

– Бог мой! – воскликнула Аза. – Не нужны мне их мужья! У меня есть Вадим!

– Каждая жена считает, что хотят покуситься именно на ее мужа, – глубокомысленно изрек Нуньо.

Аза почувствовала, что краснеет. Юноша вольно или невольно задел в ее душе болезненное место, ибо ей не нравилось излишнее внимание дочери стратига к Вадиму. Но поделиться своими опасениями с Нуньо она не решилась, несмотря на возникшую между ними дружбу. Все-таки он был мужчиной.

«Вот у его сестры я обязательно попросила бы совета, – подумала Аза. – Жаль, что Санчи здесь нет. Мне ее очень не хватает».

С Нуньо она не разговаривала о его сестре, поскольку еще на корабле заметила, что юноше неприятны воспоминания о его прошлой жизни. Аза сочувствовала ему: он много испытал – и тяжелый труд на маленьком клочке земли, и смерть родителей, и предательство старшего брата, и позор младшего члена семьи.

«Перед Санчей Нуньо, конечно же, виноват, – думала Аза. – Но он был еще мал, когда вместе с родителями и братьями изгонял ее из родного дома. В конце концов, сестра и брат помирились. Нет, Нуньо неплохой паренек, без него мне было бы совсем тоскливо».

Но их общение длилось не более получаса в день, потому что, во-первых, он был занят на конюшне, и, во-вторых, она не боялась пересудов. Часы одиночества Аза заполняла прогулками. Особенно ей нравилось в саду: среди деревьев, кустов и первых цветов. А еще она гуляла по склону холма и несколько раз выходила за крепостные стены. Порой перед ней открывались захватывающие виды моря и скал, любясь которыми Аза забывала обо всех своих неприятностях. Правда, ей очень досаждали снующие по крепости ратники, которые бросали на нее откровенные взгляды, а некоторые мужчины даже пытались с нею заговорить. Аза краснела и спешила уйти.

Каждый день она посещала храм. Это была базилика⁸ Святого Андрея, расположенная среди остатков древних развалин. Вадим узнал и поведал жене о том, что там, где теперь стояла христианская церковь, язычники почитали богиню красоты Афродиту. Покрытые мхом плиты и основания колонн, мраморные осколки – это было все, что осталось от древнего святилища.

Азе нравился храм, и она полюбила греческие иконы. Было в этих образах что-то такое, отчего молитва возле них глубоко проникала в душу. Глядя в глаза Спасителю и Богородице, Аза всегда находила отклик на свои переживания.

Ей никак не удавалось посетить сам город Коринф, хотя он был совсем рядом. Отправиться туда одна она не могла, а Вадим из-за своей занятости не находил времени ее сопровождать. А Азе, кроме того, что хотелось посмотреть на город, надо было попасть в торговые лавки. Она нуждалась в новой одежде, ибо подаренные Рындой наряды выглядели в ее нынешней повседневной жизни неуместно. Однако сказать об этом мужу она никак не решалась.

Аза так же не жаловалась Вадиму, что ее угнетает безделье. Ей казалось странным просить его позаботиться о том, чтобы у нее появились прялки, нитки, иголки, полотно и иные атрибуты рукоделия. Это били чисто женские заботы.

«Может быть, мне обратиться к мадам Феофании?» – думала Аза и ничего не предпринимала.

В один из теплых дней она пошла в сад, где, побродив по аллее стройных, как свечи, кипарисов, забралась в увитую диким виноградом мраморную беседку, чтобы немного передохнуть. Присев на скамейку, Аза принялась размышлять о том, что сейчас она ничуть не счастливее, чем тогда, когда жила с бабушкой под Нарбонной. В родовой усадьбе она хоть могла позволить себе уйти от реальности в воображаемый мир. Но дни, проведенные в Обстакуле не просто превратили Азалию в Азу, а и избавили ее от фантазий. Она поняла, что никакие сказочные чудовища не могут сравниться с коварными, злыми и завистливыми людьми. Правда, отважные герои, как оказалось, все-таки существуют, и Вадима вполне можно было сравнить с Роландом⁹, а их любовь в тот день, когда они покидали Обстакул очень походила на сказку со счастливым концом. Однако сейчас Аза уже сомневалась в своем счастье.

«Вадим изменился в последнее время: по ночам он менее нежен, а днем как будто меня избегает. Может быть, мой муж уже жалеет о том, что женился на мне?»

От таких мыслей у нее навернулись слезы.

⁸ Базилика – прямоугольное строение, которое состоит из нечетного числа разновеликих по высоте нефов.

⁹ Роланд – отважный герой французского эпоса, чьим прототипом был один из военачальников императора Карла Великого (771 – 814).

Внезапно она услышала звук легких шагов и поспешно вытерла глаза. Едва Аза успела опустить руку, как в беседку вошла дочь стратига.

– Ты? – удивленно и вместе с тем неприязненно воскликнула Евдокия.

Аза поднялась со скамьи и учтиво поклонилась.

– Не ожидала тебя здесь встретить, – заворчала, наморщив свой красивый носик, дочь стратига. – Все знают, что я люблю посидеть в этой беседке одна.

– Мне об этом не говорили, – виновато ответила Аза. – Прошу прощения! Я уйду немедленно.

– Останься! – велела ей Евдокия и, опустившись на мраморную скамью, спросила: – Тебе у нас нравится?

– Нравится. Только мне бы хотелось чем-нибудь заняться. У меня нет ни прялки, ни ниток, ни иголок, ни холста.

Дочь стратига пренебрежительно хмыкнула:

– Если ты умеешь рукодельничать, почему на тебе такой нелепый наряд?

Под плащом на Азе было то самое мавританское платье из узорчатого шелка, которое привело в восхищение Вадима перед тем, как он предложил ей выйти за него замуж. Она не понимала, что в ее наряде нелепого? Ядовито-зеленая с пестрой отделкой туника Евдокии тоже была довольно яркой, да и от ее золототканого плаща рябило в глазах. Но положение жены лекаря не таково, чтобы спорить с дочерью правителя фемы.

– Хорошо, я сменю свою одежду, – покорно согласилась Аза.

Евдокия словно ее не слышала:

– Что твой муж в тебе нашел? Он – настоящий красавец, а ты больше похожа на его служанку, чем на жену.

Аза вспыхнула, а с губ ее едва не сорвалась дерзость. Ей помешала нагрубить дочери стратега мысль о возможных неприятных последствиях ее несдержанности для Вадима.

– Об этом милостивая госпожа может спросить у моего мужа, – холодно произнесла Аза.

– А как погиб твой прежний жених? – неожиданно осведомилась Евдокия.

Вопрос застал Азу врасплох. От кого дочь стратига что-то выведала? От Вадима? Нет, этого не может быть. Он не болтлив, да и ему хорошо известно, как погиб Бертран. Значит, проговорился Нуньо, который, прибыв в Обстакул уже после смерти коменданта крепости, слышал наверняка о произошедших накануне событиях, но не успел узнать подробности.

– Это совсем не интересно, – ответила Аза после паузы.

Евдокия фыркнула:

– Мне лучше знать, что интересно, а что нет! Правда, что твой погибший жених имел высокую должность?

– Бертран управлял крепостью Обстакул в соседнем с Нарбонной графстве.

– Он был старым? – продолжала выпрашивать дочь стратига.

– Не то, чтобы старым...

– Но тебе в отцы годился? – усмехнулась Евдокия.

– Да.

– И ты испытывала к нему отвращение?

– Ничего подобного! – возразила Аза. – Бертран мне вначале нравился.

– Но потом ты изменила ему с Вадимом?

Оскорбленная Аза запальчиво воскликнула:

– Клянусь памятью своих родных, я не изменяла Бертрану даже тогда, когда поняла, что люблю другого! И пусть меня накажет Бог, если в моих словах есть ложь!

Она решительно осенила себя крестным знамением.

– Что же случилось? – допытывалась дочь стратига.

После недолгой паузы Аза проговорила, тщательно подбирая слова:

– Однажды я нечаянно подслушала исповедь Бертрана и поняла, что едва не стала женой величайшего негодяя.

– Что же такого ты узнала? – встрепелась Евдокия.

Аза отрицательно покачала головой.

– Тайна исповеди священна.

– Ты мне все расскажешь! – зашипела дочь стратига, хищно прищулив глаза. – Есть способы развязать языки даже самым скрытным людям!

– Ничего не получится, – твердо стояла на своем Аза. – Я буду молчать даже под пытками, ибо дорожу спасением своей души! Пусть госпожа Евдокия поверит мне на слово: Бертран был злодеем. Я пыталась от него уйти, но он хотел удержать меня силой, и тогда Вадим за меня вступился.

– А у меня тоже есть жених, – сообщила вдруг Евдокия.

Аза не знала, как реагировать на эту новость.

– Желаю счастья... – начала она.

Евдокия прервала ее:

– Он немолод и нехорош собой, зато очень богат и именит. Род Аргиров один из знатнейших в Ромейской империи¹⁰. Свадьба состоится осенью в Константинополе.

Она поднялась со скамьи и еще раз окинула свою собеседницу пристальным взглядом.

– Все-таки не понимаю, чем ты прельстила своего мужа?

Аза молчала, потупя взор.

– Моя прабабка была из племени милингов, – вроде бы совсем нестати сообщила дочь стратига. – Милинги пришли к нам издалека. Они, в отличие от нас, греков, светлые, как твой муж. И родной язык Вадима похож на язык милингов.

– Так уж и похож? – сварливо спросила Аза.

Она давно испытывала желание наругать собеседнице, и вот, наконец, не смогла сдержаться.

Евдокия торжествующе улыбнулась.

– Я немного знаю язык милингов и говорила на нем с твоим мужем. Вадим меня понял.

«А со мной он почти не разговаривает», – подумала с обидой Аза.

– У меня с ним много общего, – добавила Евдокия. – Гораздо больше, чем у тебя.

Борясь с желанием влечь ей пощечину, Аза призвала себе на помощь весь свой здравый смысл. А дочь стратига никак не унималась:

– Ты необразованна, и наверняка ему с тобой скучно. Он, должно быть, уже жалеет о своем опрометчивом браке.

– Не жалеет, – возразила Аза. – Разве же муж и жена – не плоть едина? Как благочестивая христианка, я не должна в этом сомневаться, да и Вадим не дает мне повода для сомнений. Да, днями он занят, однако ночи все наши.

– А ты дерзкая, – процедила Евдокия сквозь зубы.

– Вовсе нет, милостивая госпожа! Я смиренна, как агнец, но даже ягненка можно вынудить бодаться.

– Ступай прочь! – взвизгнула дочь стратига. – Видеть тебя не желаю! Грубиянка!

Аза быстро выскользнула из беседки. Гулять ей уже не хотелось, и она направилась из сада. Когда во дворе ее окликнул Нуньо, Аза бросила на него испепеляющий взгляд.

– Ты на меня сердишься? – промямлил он. – За что?

¹⁰ После распада древней Римской империи на Западную и Восточную греки стали называть свое государственное образование Ромейской (Римской) империей, другие народы называли, как правило, империю Греческой. Ставшее употребительным название «Византийская империя» появилось гораздо позже.

– Он еще спрашивает! Зачем было рассказывать госпоже Евдокии о том, что случилось в Обстакуле?

Нуньо смутился:

– Прости меня! Она вцепилась в меня, как кошка... Я не смог выдержать ее напора...

– Что она хотела от тебя узнать?

– Все про вас обоих. Кажется, она хочет твоего мужа.

– Вадима? – удивилась Аза. – У нее же есть жених! Она еще мне хвасталась, какой он богатый и знатный. У них осенью будет свадьба.

– Ну, и что же, – цинично хмыкнул Нуньо. – У доньи Евдокии будет старый муж и молодой любовник.

– Я не отдам ей Вадима, – проговорила Аза дрожащим голосом.

Ее душили слезы. Оставив Нуньо, она бросилась почти бегом в свое жилище, где упала на постель и горько разрыдалась.

Глава 4

Тяжелый день

Аза решила не рассказывать мужу о своем конфликте с дочерью стратига. Вадим явился домой, как обычно, уже затемно. Заслышав его шаги, Аза быстро сбросила верхнюю одежду, нырнула в постель и сделала вид, что спит, поэтому он и не заметил ни ее покрасневших глаз, ни припухшего лица. Вадим быстро уснул, а его жена долго думала о себе и о нем. Азе казалось, что между ней и мужем выросла стена. Вот они уже и секреты друг от друга имеют. Ведь и он и словом не обмолвился о своем общении с Евдокией.

Сон настиг Азу только глубокой ночью, но проснулась она на рассвете, и долго смотрела на спящего мужа.

«Неужели он меня больше не любит», – вертелось у нее в голове.

Вадим просыпался всегда в одно и то же время. Так случилось и на сей раз. Открыв глаза, он посмотрел на жену и быстро вскочил с постели.

– Почему ты от меня шарахаешься? – спросила она с обидой.

Вадим нежно улыбнулся ей.

– Ты сейчас для меня очень желанна. Но нам надо идти на утреннюю трапезу. Боюсь не успеем управиться.

У Азы отлегло от сердца, и она, напевая себе под нос, занялась своим туалетом. Вадим тоже приводил себя в порядок. Когда они были почти готовы, послышалось царапанье во входную дверь.

– Кто это может быть? – удивилась Аза.

– Мяу! – ответили ей из коридора.

– Это кошка! – воскликнула она и отворила дверь.

Полосатая кошечка вбежала в комнату и принялась тереться о ноги хозяев. Аза взяла ее на руки и нежно погладила.

– Смотри, Вадим, какая она хорошая!

Кошка в ответ на ласку громко заурчала и зафыркала.

– Фру! Фру! – передразнила ее Аза и, улыбнувшись, добавила: – Я так и буду ее звать – Фру.

Вадим тоже улыбнулся.

– Ты держишь кошку, как ребенка. Должно быть, из тебя получится хорошая мать.

От неожиданности Аза едва не выронила Фру. О том, что у них с Вадимом могут родиться дети, ей приходило в голову только в самом начале их совместной жизни. В дальнейшем все ее мысли были о скорейшем окончании трудного путешествия, а сейчас она постоянно думала о возникших у них с мужем проблемах.

– А ты хочешь, чтобы у нас был ребенок? – спросила Аза и голос у нее дрогнул.

– Дети, – поправил ее Вадим. – У нас обязательно будут дети.

«А вдруг я бесплодная, – испугалась Аза. – Бабушка говорила, что некоторым женщинам Бог не позволяет стать матерями. Если я не смогу родить Вадиму детей, будет ли он меня любить?»

– Нам пора на трапезу, – сказал ей муж.

– А потом ты уйдешь?

– Сегодня нет, – сообщил он. – До обеда я свободен, и мы можем побыть вместе.

– Это замечательно! – обрадовалась Аза. – Давай сходим в город: мне надо купить себе материю на новую одежду.

– Давай, – согласился Вадим, и в его глазах мелькнуло разочарование.

Он явно рассчитывал провести время с женой иначе, чем она предлагала. Аза и сама предпочла бы остаться дома с мужем, но у нее не выходили из головы насмешки Евдокии. Наверняка и другие обитатели виллы считают наряды жены лекаря нелепыми.

В город Аза и Вадим отправились сразу же после утренней трапезы. Когда они вышли во двор, там суетились озабоченные слуги, а из конюшни слышалось лошадиное ржание.

– Что происходит? – спросила Аза.

– Хозяин и его сын уезжают, – объяснил Вадим.

– Куда?

– Кажется туда, где мы расстались с Рындой. У Нихерита там с кем-то важная встреча.

Аза подавила вздох сожаления. Слова мужа напомнили ей о том, как получилось, что они здесь оказались. Знай она тогда, чем все обернется, предпочла бы продолжить путь, невзирая ни на какие трудности.

Коринф оглушил Азу, как когда-то ее оглушала Нарбонна, куда она крайне редко выбиралась из тихой родовой усадьбы. Жители греческого города смотрели на шагающую по улице пару с любопытством, в котором была заметна приличная доля высокомерного презрения.

– Мы им не нравимся, – тихо сказала Аза мужу.

– Просто видно, что мы – не греки, – ответил он.

Она понимала, что он прав, и к ним лично корнифцы не имеют никаких претензий. Однако недобрые взгляды горожан вызвали у Азы неприятные воспоминания. Ей даже стало казаться, что откуда-то может появиться ее дед Гарнье и осыпать внучку площадной бранью. Поэтому она, приобретя в первой попавшейся лавке два куска простенькой материи, сказала мужу, что пора возвращаться домой.

– Купи себе материю понаряднее, – предложил он.

Аза послушно выбрала себе яркий шелк цвета лазури. Когда они вышли из лавки, она зашагала так быстро, что Вадим удивленно спросил:

– Зачем ты так торопишься?

– Не знаю, – смущенно ответила Аза, замедляя шаги. – Нечаянно получилось.

Она надеялась провести с мужем еще хотя бы пару часов, но, едва они появились на вилле, как Вадима подозвал к себе ипостратиг¹¹.

– Что-нибудь случилось? – спросила Аза, когда муж вернулся к ней.

– Хозяйке стало плохо, – ответил он, не скрывая своей досады.

– Что же, ступай к ней.

В своих покоях Аза с досадой бросила свои покупки на сундук. Неожиданно она заметила в комнате новые вещи: в углу стояла прялка, а на стуле лежали куски полотна, разноцветные нитки, пяльцы и иглы. Принести все это могло только по распоряжению дочери стратига: ведь именно ей Аза пожаловалась на свое безделье. Одно из двух либо своенравная девица решила первой пойти на мировую, что маловероятно, либо, скорее всего, она старалась доказать свое безразличие к выпадам соперницы: дескать, мне непозволительно обижаться на столь ничтожную особу.

«Ну, и ладно! Зато мне есть чем заняться».

Вошла Феоктиста, неся блюдо с едой, кувшин и кружку. Она поставила все на столик и кое-как объяснила, что, поскольку хозяин и его сын уехали, а хозяйка прихворнула, то общей трапезы не будет. Азу это известие порадовало, ибо ей вовсе не хотелось присутствовать на обеде, на котором главенствует дочь стратига.

После Феоктисты появилась почуявшая запах еды кошка Фру. Не имея аппетита, Аза почти все скормила своей полосатой гостье, после чего та убралась прочь довольная.

¹¹ Ипостратиг – помощник стратига.

«А Вадим наверняка голодный, – забеспокоилась Аза. – Хорошо, что остался кусок пирога».

Она села вышивать на пальцах, но ее отвыкшие от такой работы руки быстро устали, и ей захотелось погулять по саду, чтобы немного развеяться. Аза вышла из дома, как раз тогда, когда во дворе появились возвращающиеся домой стратиг и его сын: первый ехал на арабском жеребце вороной масти, под вторым была малорослая сивая лошадка. Следовавшая за ними свита окружала поддерживаемые двумя лошадьми закрытые носилки.

«Кажется, прибыла какая-то важная особа?» – заинтересовалась Аза.

Решив подождать мужа, чтобы расспросить его о госте, она вернулась в покои и села за прялку. Но ее все больше одолевало любопытство. В конце концов, Аза решила сходить и посмотреть, что происходит. Первым, кого она увидела на верхней площадке лестницы главного входа, был ее муж: он прошел мимо жены, слегка скосив в ее сторону взгляд. Затем два дюжих молодца в кольчатой броне пронесли на одеяле мужчину, выглядящего весьма неважно: его оливковые глаза лихорадочно блестели, щеки пылали, а на лбу висели капельки пота.

«Кто это? – подумала Аза. – Он одет богато, но не, как грек. У него, должно быть, горячка».

Внезапно больной посмотрел на Азу так, словно попытался раздеть ее взглядом. От неожиданности она поначалу даже не смутилась, а только опешила. Пока Аза стояла, замерев на месте, мимо нее проследовали вереницей мужчины – тоже явно не греки, – среди которых выделялся немолодой угрюмец с грубым лицом, обрамленным пегой от седины бородой.

«Пресвятая Дева! – пришла она в себя. – Что это было? Неужели незнакомец смотрел на меня с таким бесстыдством! Должно быть, мне это привиделось. Или просто в болезненном бреде он не владел собой».

В волнении Аза прошла по двору, и ей навстречу попался Нуньо.

– Ты знаешь, кто прибыл на виллу? – осведомилась она у него.

– Это знатный и богатый сеньор по имени Венченцо Морозини. Он из Венеции.

– Венеция? Где это?

– Не знаю, – ответил юноша, пожав плечами.

– Я заметила, что этот Морозини очень болен, – сказала Аза.

Нуньо кивнул.

– Да, он посещал Константинополь и на обратном пути захворал. Его слуги побоялись везти его дальше, и твой муж теперь должен ему помочь.

Аза заволновалась. Вадим, конечно, хороший лекарь, но все в воле Божьей, и молодой человек вполне мог умереть.

«Господи Иисусе, сохрани его! Пресвятая Дева, помоги ему благополучно избавиться от болезни!»

Подняв голову, Аза почувствовала подступающий к горлу комок. На большой террасе были вдвоем Вадим и Евдокия. Он стоял спиной к лестнице, а дочь стратига, одетая в лиловую тунику и с гроздьями жемчуга в прическе, что-то ему говорила, ослепительно при этом улыбаясь.

«Вот негодяйка! – рассердилась Аза. – Не зря Нуньо назвал ее кошкой. Вцепилась, мерзавка, когтями в чужого мужа!»

Она поборолa в себе желание подняться по лестнице. Не хватало, чтобы ее заподозрили в слежке за Вадимом. Для Евдокии такое поведение соперницы станет лишним поводом для насмешек.

Аза так разволновалась, что даже служба в храме ее мало успокоила. Невозможно было забыть довольного выражения на лице дочери стратега, когда та беседовала с Вадимом.

«Евдокия выглядела, как поймавшая добычу хищница».

На ужине была вся семья стратега – пришла даже больная Феофания. Из прочих не явился Вадим: он, по всей очевидности, не мог отойти от своего нового пациента.

Дождаясь дома мужа, Аза испытывала двойственные чувства: ей то становилось страшно за любимого человека, то ее начинали мучить подозрения, что он находится не подле знатного гостя, а в обществе дочери стратега.

«Не так уж он и занят, если находит время для бесед с Евдокией».

Вадим пришел поздно и удивился тому, что его жена все еще не спит.

– Я тебя ждала, – сказала Аза. – Что с человеком, которого сегодня привезли? Он не умрет?

– Так ты из-за него не спишь? – спросил Вадим, нахмурившись.

– Я за тебя беспокоюсь, – уточнила Аза с упреком в голосе. – Если Бог призовет его, ты можешь пострадать.

– Прости! – смутился Вадим. – У меня от усталости разум помутился.

– Морозини выживет?

– Это, как решит Господь.

– Он очень плох?

– Ему худо, но надежда на его выздоровление есть.

– Ты так думаешь? – воспрянула духом Аза.

– У него крепкий организм. Впрочем, при таком разгульном образе жизни он уже года через три одряхлеет.

– Откуда ты знаешь про его разгульный образ жизни? – удивилась Азалия.

– От нашего хозяина. Здесь часто бывают венецианские купцы, а торговцы любят посплетничать о своей знати.

– Ой! Ты же голодный! – опомнилась Аза. – У меня есть вино, и кусок пирога...

Муж прервал ее:

– Я только что перекусил.

«Уж не Евдокия ли тебя накормила?» – едва не вырвалось у Азы, но она вовремя прикусила язык.

– Давай спать, – предложил ей Вадим.

– Давай, – мрачно согласилась она.

Глава 5

Венченцо Морозини

Организм молодого венецианца, действительно, оказался крепким, и уже через три дня больному стало лучше.

– Хвала Господу! – обрадовалась Аза, когда муж сообщил ей об этом.

– Тебе больше не стоит за него беспокоиться, – проговорил Вадим с усмешкой.

– Я за тебя беспокоилась, – напонила она ему.

Он в ответ пожал плечами и перевел разговор на другую тему.

Аза больше не говорила с мужем о больном, поскольку поняла, что Вадиму это неприятно.

«Вадиму не нравится этот человек, – думала она. – Должно быть, Морозини такой же неприятный, как и его слуги».

Приближенные знатного венецианца держались, как будто были на вилле стратига Пелопоннеса не гостями, а хозяевами: бродили, где хотели, делали, что им нравилось, и постоянно приставали к служанкам, не смевшими на них жаловаться. Правда, по отношению к жене лекаря слуги Морозини не позволяли себе больших вольностей, но не стеснялись отпускать в ее присутствии сальные шутки. Прилично себя вел один Феделио – тот самый пожилой угрюмец с пегой бородой, на которого Аза обратила внимание, когда венецианцы только прибыли.

Не желая видеть наглых слуг знатного гостя, Аза почти не выходила из своих покоев. Она пряла, шила и вышивала, постоянно думая при этом о Вадиме и дочери стратига. То, что он при упоминании Евдокии всегда морщился, вызывало у его жены только еще большие подозрения. Однако прямой вопрос Аза мужу не задавала, потому что боялась ответа. Все-таки пока она, мучаясь от неизвестности, сохраняла надежду.

«Если я пойму, что Вадим меня разлюбил, то не смогу жить», – повторяла Аза.

Из-за своих душевных терзаний она чувствовала обиду на мужа и порой испытывала желание ему досадить. Напряжение в их отношениях все нарастало.

Однажды во время утренней трапезы стратиг вдруг предложил Азе навестить больного венецианца. Она удивилась такому предложению.

– Морозини жалуется на бестолковость наших служанок, – сказал Нихерит. – Они не всегда его понимают.

– Моя жена – не служанка, – вмешался Вадим.

Аза поняла по интонациям его голоса, что он не только недоволен, но даже рассержен, и это вдруг вызвало у нее мстительное удовлетворение.

– Я обязательно навещу больного, – пообещала она стратигу.

У Вадима синева глаз стала темной, как сапфир, что с ним происходило тогда, когда он бывал в гневе. А по губам Евдокии скользнула торжествующая усмешка. Аза сразу пожалела о собственной опрометчивости, однако от данного ею обещания уже невозможно было отказаться.

– Это мой долг, как христианки, – кисло добавила она, чувствуя, как у нее на щеках выступает предательский румянец.

Вадим молча отвел взгляд в сторону.

Когда после завтрака он и Аза вышли из зала, она виновато спросила:

– Ты сердись на меня?

– Нет, не сержусь – ответил он, явно кривя душой.

Видя, как расстроен муж, Аза забыла свои обиды на него и разозлилась на себя.

– Прости меня, – умоляюще попросила она, – но мне трудно было отказаться. Если тебя это очень огорчает...

– Ступай, – сухо прервал ее Вадим,

– А когда ты будешь у него? – спросила Аза дрожащим голосом.

– Прямо сейчас.

– Я пойду с тобой.

Вадим окинул жену внимательным взглядом.

– Ты хочешь навестить его при мне?

– А при ком же еще? – удивилась она. – Ты же мой муж. Не пойду же я к постороннему мужчине одна.

Покои, выбранные стратигом для Венченцо Морозини были лучшими в доме, а находились они на втором этаже, куда Аза поднялась впервые. Там царила настоящая роскошь. Яркие мозаичные картины, ковры мебель с золотой и костяной отделкой, огромные серебряные сосуды – все это не могло не поразить человека, привыкшего к гораздо более скромной обстановке.

– Как же живет греческий император? – вырвалось у Азы.

– Должно быть, еще богаче, – равнодушно отозвался Вадим.

Они вошли в опочивальню, где на широкой постели лежал Морозини, а возле него сидели в деревянных креслах Феделио и еще один слуга знатного венецианца.

– О, Мадонна! – пылко воскликнул Венченцо, приподнявшись. – У меня опять начался бред? Или Господь, завершая мои земные дни послал за мной ангела?

Аза покраснела, а ее муж проговорил металлическим голосом:

– Это всего лишь моя жена.

Морозини виновато вздохнул:

– Прошу простить меня прекрасную сеньору. Я был так ошеломлен, что едва не потерял разум.

– Разум не стоит терять, – едко посоветовал Вадим. – Лишившись его, можно лишиться и жизни.

Поскольку эти слова прозвучали, как угроза, слуги Морозини сразу встрепнулись и вопросительно посмотрели на своего хозяина. Аза приготовилась заступиться за мужа.

Венченцо на мгновение опешил, но тут же миролюбиво улыбнулся.

– Надеюсь, моей жизни ничто не угрожает, равно, как и чести прекрасной сеньоры. Мне всего лишь нужна от нее помощь.

– Я помогу, чем смогу, – с готовностью согласилась Аза.

Ее услужливость не понравилась Вадиму. Еще пуще помрачнев, он проворчал:

– Я, видать, плохой лекарь, если больной ищет помощи не у меня, а у моей жены.

– Ты хороший лекарь, – возразил ему Морозини. – Благодаря тебе, я быстро пошел на поправку, и в благодарность за это мне, пожалуй, стоит отказаться от услуг твоей жены. Ссориться с лекарями опасно.

– Как угодно, – промолвила Аза с явным облегчением. – Если никто не возражает, я уйду?

Вадим ничего ей не ответил, а Морозини нехотя кивнул.

Покинув опочивальню, Аза почти бегом бросилась к себе в покои. Она с трудом сдерживала рвущуюся из души радость. Вне всякого сомнения, муж ее ревновал, и это служило доказательством его любви к ней. Не мог же Вадим так себя вести, если жена ему опостылела. Однако вскоре Азу стали опять одолевать сомнения. Уж она-то знала, как горд ее муж. Он многое мог стерпеть, но только не насмешки над собой, а именно мужчины, которым изменяют их жены, становятся для окружающих самыми большим посмешищем, о чем Аза знала от бабушки.

Ни в этот, ни на другой, ни на третий день она так и не нашла ответов на мучившие ее вопросы. Если бы можно было расспросить Вадима, все стало бы ясно, но Аза по-прежнему испытывала страх от мысли, что правда окажется для нее убийственной. А муж своим угрюмым молчанием только увеличивал опасения жены.

А на четвертый день Вадим был послан в одну из прибрежных крепостей, откуда накануне привезли известие о внезапной болезни турмарха. Спустя несколько часов после отъезда лекаря, к его жене явилась Феоктиста. Служанка сообщила, что Азу требует к себе гость стратига.

– Меня? – оторопела молодая женщина. – Но я не могу пойти к нему без мужа! Это неприлично! Что обо мне люди подумают?

Пожав плечами, Феоктиста ответила, что Морозини настаивает на том, чтобы немедленно увидеть жену лекаря, а стратиг решил исполнить просьбу своего гостя.

«Я никуда не пойду!» – едва не вырвалось у Азы, но она сдержалась и, призвав на помощь все свое благоразумие, нашла выход из щекотливого положения:

– Хорошо, я навещу больного, но только, если меня к нему сопровождают две женщины.

Феоктиста ушла и вернулась примерно через полчаса вместе с другой служанкой. Нихерит все-таки согласился с желанием жены лекаря защитить свою честь.

Морозини пребывал в одиночестве. Когда к нему в опочивальню вошли женщины, он разочарованно посмотрел на сопровождающих Азу служанок и, поморщившись, проворчал:

– Я звал к себе лишь жену лекаря. Остальные мне без надобности.

Аза посмотрела на него с упреком.

– Но я же замужем!

– Ну, и что? – буркнул Венченцо.

– Жена должна заботиться о чести мужа, кем бы он не был по своему положению. А Вадим, между прочим, не простой лекарь. Его предки были князьями.

– В самом деле? – хмыкнул Морозини. – Это он тебе сказал?

Аза смерила венецианца убийственным взглядом.

– Об этом я слышала еще и от весьма достойного человека, служившего отцу моего мужа, и у меня нет ни малейшего повода сомневаться.

Венченцо явно не ожидал от нее такой отповеди. Впрочем, он быстро справился со своей оторопью и, покачив головой, сказал с мягким укором:

– Я вовсе не хотел обидеть ни твоего мужа, ни тебя. И на твою честь у меня не было намерения покушаться.

– Если так... – начала Аза.

Морозини знаком прервал ее и продолжил:

– Просто мне нестерпимо захотелось поговорить с кем-нибудь по душам, а никто из моих людей для такой беседы не годится. Даже преданный Феделио слишком груб и неотесан. Я о тебе вспомнил именно потому, что ты показалась мне доброй женщиной. Но если тебе в тягость мое общество, можешь уйти.

Слушая его печальный голос, Аза неожиданно для себя почувствовала к нему жалость и сказала уже совсем другим тоном:

– Нет, не в тягость! Я согласна остаться, но пусть и эти женщины сидят тоже будут здесь.

– Хорошо, пусть и они будут с нами, – покорно согласился Венченцо.

Служанки расположились на скамье у стены, а Аза придвинула одно из кресел поближе к постели больного, но на такое расстояние, какое ей казалось приличным. Когда она села, Морозини неожиданно спросил:

– У тебя есть родители?

Его собеседница печально опустила голову.

– Я рано лишилась отца и матери.

– Я тоже.

Азе стало еще больше его жаль.

– Такова Божья воля, – сказала она со вздохом. – А наш удел – смирение. У меня Господь забрал всех моих родных, и теперь я молюсь за их души.

– А у меня есть родственники, – сообщил Морозини.

– Это замечательно, – откликнулась Аза.

Ее собеседник поморщился:

– Мы не очень любим друг друга. Иногда, впрочем, обстоятельства заставляют нас объединиться.

Аза растерялась. Ей были совершенно непонятны взаимоотношения в среде высшей знати.

– Уже это хорошо, – только и нашла она, что сказать. – Родные должны держаться друг друга.

– О, да! – согласился с ней Венченцо. – Иначе нам, Морозини, не выстоять, и мы будем уничтожены другими знатными венецианскими семействами.

– Почему?

– Каждый влиятельный род желает иметь больше власти.

– Нелегко вам живется, – проговорила Аза, покачав головой.

– Да, уж, – согласился Морозини. – Такая жизнь не всем по силам. Взять хотя бы моего дядюшку, Джованни. Он был зятем и ближайшим советником дожа Пьетро Орсеоло старшего, но после смерти жены предпочел сменить мирские заботы на служение Господу нашему Иисусу.

– Он принял духовный сан?

Венченцо кивнул.

– Джованни Морозини вступил в духовный орден Святого Бенедикта и основал обитель Сан-Джорджо-Маджоре, где до сих пор замаливает наши грехи.

– Да будет ему дарована Божья милость! – пожелала Аза.

– Я часто поминаю дядюшку Джованни в своих молитвах, – добавил Морозини. – Он всегда был ко мне добр и, возможно, даже меня спас.

– От чего?

Венченцо ответил не сразу:

– Когда Бог забрал к себе моего отца мне было всего шесть лет, а через два года скончалась и матушка. Я остался единственным наследником родительского состояния, однако другие Морозини тоже были не прочь его заполучить. Если бы аббат Сан-Джорджо-Маджоре не взял меня, по сути, под свою опеку со мной могла случиться беда.

– Какая беда? – не поняла Аза.

– Я упал бы в канал или съел бы не то, или просто захворал бы. Да мало ли, отчего умирают дети.

Аза укоризненно покачала головой.

– Может быть, не стоит так плохо думать о своих родных? Если бы у них, действительно были дурные помыслы, они нашли бы способ осуществить задуманное...

Она прервалась, потому что дверь опочивальни с грохотом отворилась, и на пороге возник пышущий гневом Вадим.

– Ты же вечером должен был вернуться! – вырвалось у Азы удивленное восклицание.

От этих слов ее муж еще больше разъярился:

– А вы, значит, меня не ждали?

– Вадим, мы не одни, – предостерегающе проговорила Аза и кивнула на жадно следящих за происходящим служанок.

Присутствие женщин несколько умерило пыл Вадима.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он у жены уже более ровным голосом.

– Ничего неприличного, – ответил за нее Морозини. – Мы всего лишь беседуем.

– И долго еще будет длиться ваша беседа? – едко поинтересовался Вадим.

– Я уже ухожу, – ответила Аза, поднимаясь.

– Если хочешь, оставайся, – предложил ей муж.

Но она молча покинула опочивальню.

Аза очень беспокоилась о том, как поведет себя Вадим, оставшись наедине с Морозини.

– Господь милосердный, вразуми его! – шептала она, бродя у себя из комнаты в опочивальню и обратно. – Пресвятая Дева помоги ему!

Мужа не было около получаса, а когда он появился, жена встретила его виноватым взглядом и замямлила:

– Прости меня... Я была у Морозини не одна и ни твою, ни свою честь не запятнала...

Вадим отвел взгляд в сторону.

– Мне известно, что ты ничем передо мной не провинилась. Не обижайся на меня: мне невесть что померещилось.

Повисло тягостное молчание, и чтобы прервать его Аза осведомилась:

– Почему твоя поездка была такой короткой?

Она пожалела о своем вопросе, увидев, что муж опять помрачнел.

«Он решил, что я сожалею о его скором возвращении», – подсадовала на себя Аза.

– Турмарх успел за утро вылечиться у какого-то местного чародея, – ответил Вадим, не глядя по-прежнему на жену. – Когда я прибыл, он уже был на ногах и не нуждался в моей помощи.

На этом их разговор закончился. После обеда Вадим посетил хозяйку, которую опять одолевала хворь, а потом отправился к своим коринфским пациентам. Вернулся он, как обычно, поздно.

Аза чувствовала себя так, словно у нее внутри медленно закипал котел. Казалось, если подбросить еще немного дров, кипяток выплеснется наружу. От мыслей об этом у Азы возникал страх и вместе с тем появлялось желание, чтобы, наконец-то, наступила ясность в ее мучительных отношениях с мужем.

На следующий день Вадим, как обычно, куда-то ушел сразу после утренней трапезы. А Аза решила немного погулять по саду и неожиданно для себя встретила там с Морозини. Знатный венецианец сидел на мраморной скамеечке и грелся на солнце. При виде Азы он медленно поднялся.

Она растерянно уставилась на него.

– Я устал лежать в постели, – пояснил Венченцо. – От своих людей я тоже устал. Они уверены, что я сплю.

Аза замерла на месте, не зная, как себя вести.

– Я почти здоров и скоро вернусь в Венецию, – медленно сказал Морозини. – Твой муж поставил меня на ноги.

– Я желаю здоровья и счастья... – несмело начала Аза.

Венченцо пылко прервал ее:

– Только ты можешь сделать меня счастливым!

– Что? – испугалась Аза. – Я же замужем!

– Оставь своего мужа и будь со мной! Я сделаю твою жизнь счастливой! Ты будешь купаться в роскоши!

Поднявшись со скамьи он шагнул к Азе. Она же с ужасом шарахнулась от него и воскликнула плачущим голосом:

– Это же грех!

– Я могу добиться твоего развода и жениться на тебе...

Аза замахала руками.

– Нет! Нет! Нет! Даже, если бы я не любила мужа, все равно не променяла бы его на другого мужчину: ведь нас связал Бог. Но я люблю Вадима! Мне никто, кроме него не нужен!

Выкрикнув последние слова, она бросилась прочь от пылкого венецианца и бежала до выхода из сада, где остановилась, чтобы отдышаться. Приведя себя в порядок, Аза зашагала неторопливой поступью. Спокойная внешне она чувствовало, как внутри у нее все трепещет. В ней крепла уверенность в том, что им с мужем необходимо сегодня же объясниться.

«Иначе я сойду с ума».

Глава 6

Объяснение

До обеда Аза вышивала на пальцах. Это занятие немного ее успокоило, но, когда она увидела за столом мужа, ее опять охватило волнение. После трапезы Вадим сообщил жене, что он идет к захворавшему чиновнику Аллакасевсу, и она с трудом удержалась от того, чтобы не попросить его остаться дома, поскольку ей не терпелось начать назревший разговор.

Но, когда вечером муж вернулся домой, Аза совершенно растерялась, не зная, с чего начать объяснение с ним. Он не обратил внимание на ее замешательство.

– Почему ты не была сегодня в храме? – спросил Вадим, устало опустившись на стул.

В его голосе Аза не услышала ни малейшей заинтересованности. Казалось, он задал ей вопрос лишь для того, чтобы хоть что-то сказать, и это ее задело. Она швырнула на сундук рукоделие и поднялась со скамьи, готовая вот-вот вскипеть.

Вадим продолжал не замечать состояния жены. Не дождавшись ответа на свой вопрос, он не стал переспрашивать, а с тем же спокойствием проговорил:

– Скоро вечерняя трапеза.

Терпению Азы пришел конец.

– Ты ждешь с нетерпением вечернюю трапезу? – зашипела она. – Ну, конечно! Там же будет твоя Евдокия, и тебе не терпится ее увидеть!

Вадим поднял голову и изумленно воззрился на жену.

– Ты давно ее любишь, а я тебе не мила! – продолжила она его обличать. – Признайся, что жалеешь о том, что женился на мне! Я для тебя стала обузой? Не знаешь, как от меня избавиться?

– Это неправда, – обрел, наконец, Вадим дар речи.

– А разве ты не избегаешь меня днем, и не пренебрегаешь мною ночью?

– Я устаю...

Аза не слушала мужа:

– С тех пор, как мы здесь, ты ни разу толком не поговорил со мной! И вообще почти все время молчишь! Зато с хозяйской дочерью у тебя долгие беседы!

– Когда это я с ней беседовал?

– Будто не помнишь? Я вас видела вместе на лестнице!

Вадим наморщил лоб.

– Не припомню. Хотя все могло быть. Хозяйская дочь любит поболтать, и часто пытается отвлечь меня своей болтовней от дела. Должно быть, тогда, когда ты нас видела, она мне что-то говорила, а я ее не слушал.

– Хочешь меня уверить, что она тебе не нравится?

– Мне она совсем безразлична.

Аза почувствовала на душе огромное облегчение, но почему-то при этом она не могла остановиться и продолжала обличения:

– Даже, если ты не любишь Евдокию, все равно ко мне в тебе любви совсем не осталось!

Вадим попытался ей возразить:

– Ты моя жена...

– Ах, вот оно что! – перебила она его. – Ты связан со мной долгом! Если тебе это так тягостно, я согласна быть монахиней. Отдай меня в монастырь и станешь свободным!

Вадиму слова жены не понравились, и он спросил с подозрением:

– Ты готова со мной расстаться?

– Если ты этого хочешь.

– Может быть, я просто тебе опротивел? Признайся честно!

Теперь уже оторопела Аза. Некоторое время она даже не находила слов, а потом растерянно проговорила:

– Мне не в чем тебе признаваться.

Они как бы поменялись местами. Закусив удила, Вадим принялся нападать на жену:

– Как не в чем? Разве красавец, которого я вылечил, тебе не мил?

– Ты говоришь о Морозини?

– О ком же еще?

– Он мне нисколько не нравится, – искренно ответила Аза.

У Вадима сразу пропал весь пыл. Уж ему-то было хорошо известно о том, что его жена не умеет лгать.

– Значит, ты не влюблена в него? – растерянно спросил он.

Аза подошла к образу Спасителя и осенила себя знамением, после чего повернулась и произнесла, глядя мужу в глаза:

– Перед Богом нашим, Иисусом Христом, клянусь в том, что я никого в своей жизни не любила, кроме моего мужа, Вадима. И пусть Господь меня накажет, если я солгала.

Вадим схватился за голову и простонал:

– Я – дурак, Аза! Ой, какой же я дурак! Прости меня, ради Христа и Пресвятой Богородицы! Ревность совсем меня ослепила!

Аза никогда еще не видела его таким сконфуженным. У Вадима даже слезы на глаза выступили. Он вскочил со стула, взволнованно прошелся по комнате и остановился в шагах двух от жены, после чего продолжил свою покаянную речь:

– Я сомневался в твоей любви. Думал, ты выбрала меня только потому, что я лучше Бертрана. Боялся, что ты полюбишь кого-нибудь, и я стану для тебя чем-то вроде хомута на шее...

Аза сердито прервала его:

– Я и соглашусь тебя променять только на Господа!

– Теперь я это понял, но еще недавно у меня разум помутился от ревности.

– Тебе казалось, что мне мил Морозини?

Вадим покаянно опустил голову.

– Честно признаться, я был в этом почти уверен.

– Почему же ты не спросил меня? – прошептала Аза.

– Боялся, что мои подозрения подтвердятся – смущенно признался ей муж. – Неведение давало мне надежду на твою любовь.

– Но ведь и со мной было то же самое, – проговорила Аза и неожиданно для самой себя рассмеялась.

Ей стало необычайно легко.

Вадим же, напротив, еще больше нахмурился.

– Эта история – нам наука, – сказал он.

– Верно, – согласилась с ним жена. – Нам надо больше доверять друг другу. Мы столько времени мучились вместо того, чтобы поговорить.

– Ты даже пыталась мне досадить, – заметил Вадим.

– Когда? – не поняла Аза.

– Когда навещала больного.

– В первый раз – да, – честно призналась она. – Но с другой стороны, мне трудно было отказать нашему хозяину. Он же позвал меня к Морозини в твое отсутствие, и мне пришлось пойти.

– Я готов был убить твоего воздыхателя, когда увидел вас вместе.

– Хорошо, что ты сдержался.

– А что ты вообще думаешь о Морозини? – задал Вадим жене неожиданный вопрос. Аза хотела покривить душой, однако не смогла солгать мужу и смущенно призналась: – Мне кажется, что он неплохой человек.

Но вопреки ожиданию, муж отнесся спокойно к такому отзыву о мужчине, которого он еще недавно считал своим соперником.

– Наверное, ты права, – согласился Вадим с женой. – Я к нему пристрастен, но, возможно, он неплохой малый.

– Но слишком капризный и изнеженный, – добавила она.

– Это не наша забота. Пусть живет, как хочет. Главное, что ты к нему равнодушна. Для тебя этот человек опаснее твоего покойного жениха.

– Почему? – удивилась Аза.

– Бертран, каким бы он не был, хотел, чтобы ты стала его женой, а Морозини не женился бы на тебе даже, если бы ты была свободной.

Аза нахмурилась. Выходит, пылкий молодой человек, предлагая ей выйти за него замуж, обманывал ее. Конечно, она отказала бы ему, будь он и искренним, просто неприятно, когда тебя пытаются соблазнить столь лживым образом.

– Морозини очень знатен, – добавил Вадим.

– Ну и что, – обиженно заговорила Аза. – Ты тоже знатен, да и Бертран происходил из рода правителей Прованса, однако вас обоих не смутило мое низкое происхождение.

Муж ласково обнял ее.

– Понимаешь, Аза, каким бы знатным не был мой род, положение у меня сейчас незавидное. И Бертран, несмотря на свою родовитость поднялся не слишком высоко. А ты допускаешь, чтобы на тебе женился виконт Нарбонны или граф Русильона?

– Нет, это невозможно.

– Вот и быть женой Морозини ты тоже не можешь. Мне кое-что удалось узнать от его слуг. Видишь ли, род Морозини считается в Венеции одним из самых именитых – равным роду тамошнего князя, коего они дожем называют.

– В самом деле? – спросила Аза, сама не зная зачем, поскольку она безусловно верила мужу.

Вадим кивнул.

– Да. Не зря же наш хозяин своего гостя лелеет. Хочешь знать, зачем твой воздыхатель посещал Царьград?

– Зачем?

– Он сосватал за сына своего князя дочь одного из приближенных императора Василия, да заодно и себе нашел невесту – внучку другого греческого сановника.

– Это тебе слуги Морозини рассказали?

Помявшись немного, Вадим признался:

– О сватовстве я узнал от Евдокии. Венецианский князь женит своего сына на дочери племянника ее жениха.

– Хвала Господу, что ты смог вылечить Морозини! – воскликнула Аза. – Его смерть дорого обошлась бы тебе!

– Не думай об этом, – сказал ей муж. – Гость почти здоров.

– Судя по его выходке, он не почти, а совсем выздоровел, – едко проговорила Аза и осеклась.

– О чем ты? – насторожился Вадим.

Азе ничего другого не оставалось, как поведать мужу о признании ей в любви Морозини. Говорила она неохотно, зная о том, какой будет реакция Вадима.

– Вот как? – произнес он и грозно нахмурился.

– Святые угодники! – испугалась Аза. – Что ты задумал?

– Проучить наглеца.

– Ради Бога, не надо!

– Он оскорбил и тебя, и меня! – зарычал Вадим. – Если я смолчу, то опозорю свое имя и память отца! Ты моя жена, и никто не смеет так с тобой обращаться!

– Умоляю, не трогай Морозини! – воскликнула Аза. – Ты погубишь себя! Он не стоит этого! Подумай обо мне, в конце концов, если не жалеешь себя!

Эти ее слова подействовали на мужа. Взяв себя в руки, он произнес уже ровным голосом:

– Не бойся, я всего лишь потолкую с твоим воздыхателем. Одной беседы должно хватить, чтобы он унялся.

– О, Боже! Представляю, какая у вас будет беседа! Как бы она не обернулась ссорой или, не приведи, Господи, поединком! Почему ты уверен, что не будет последствий? Положение Морозини слишком высокое по сравнению с твоим!

– Я найду нужные слова, – пообещал Вадим.

Он говорил так уверенно, что у Азы пропал страх. Чего ей бояться, если ее всегда защитит муж? Она улыбнулась и, забыв обо всех горестях, бросилась ему на шею. Взаимные обиды остались в прошлом, и два любящих человека слились в страстном поцелуе. Затем Вадим поднял жену на руки, отнес в опочивальню и положил на постель. Аза заметила, что она уже без верхней одежды только тогда, когда муж, оторвавшись от нее, сам начал раздеваться.

Внезапно за дверью раздались шаги.

– Что надо? – грубо крикнул Вадим.

Женский голос сказал что-то по-гречески. Хотя Аза мало освоила этот язык, она все-таки поняла, что речь идет об ужине.

«Боже всемогущий! Мы же совсем забыли о вечерней трапезе!»

– У меня жена прихворнула! – отозвался Вадим. – Я ее лечу.

Азу рассмешил ответ мужа, и она, чтобы не расхохотаться, уткнулась лицом в подушку.

Когда шаги за дверью затихли, Вадим подошел к жене и повернул ее лицо к себе. Аза звонко рассмеялась, но ее смех тут же был заглушен поцелуем...

Глава 7

Гибель кошки Фру

Никогда еще Азе не было так хорошо, как в эту ночь, когда они с мужем, объяснившись, отдались с упоением любви. Их ничто уже не сдерживало, потому что между ними рухнули все преграды из недомолвок и подозрений. Счастливые супруги забылись сном только тогда, когда из приоткрытого окна потянулась слабая полоска света.

Утром Аза проснулась, почувствовав на себе пристальный взгляд мужа. Она открыла глаза и капризно пробормотала:

– Я совсем не выпалась.

Вадим улыбнулся ей.

– Ну, и оставайся в постели.

– Но нам пора на утреннюю трапезу.

– Пойду я один, а ты продолжай хворать.

– Я же не хвораю, – озадачилась Аза.

– Пусть все думают, что ты больна, – усмехнулся Вадим. – Тогда у меня будет повод провести день подле жены.

Хотя Аза не любила лгать, предложение мужа ей понравилось. Что плохого, если они проведут день вместе? Это ведь никому не навредит.

Вскоре после того, как ушел Вадим, Феоктиста принесла его жене завтрак. Пока служанка ставила на табурет тарелку с едой, кувшин с вином и кружку, Аза, лежала в постели, старательно изображала недомогание.

«Что же она мешкает? Уходила бы поскорее. Еще догадается, что я совершенно здорова».

От этих мыслей у Азы выступил румянец смущения, который вполне можно было принять за проявление болезни. Феоктиста посмотрела на жену лекаря с жалостью и предложила ей свою помощь. Покраснев еще гуще, Аза махнула рукой: дескать, уходи, я обойдусь без тебя.

Едва за женщиной затворилась дверь, «больная» тут же забыла про свою выдуманное недомогание и с жадностью набросилась на еду. Азе казалось, что она никогда еще не была такой голодной. Спустя немного времени, на тарелке остались лишь рыбы кости.

«Теперь служанка уж точно усомниться в моей болезни», – усмехнулась Аза.

После сытной трапезы на нее напала дремота, и она, откинувшись на подушки, уснула...

Разбудил Азу поцелуй в лоб.

– Вадим... – прошептала она, открывая глаза.

Ее муж виновато улыбнулся.

– Прости! Ты была во сне такой красивой, что мне не удалось сдержаться. Я разбудил тебя...

– И хорошо, что разбудил, – сонно забормотала Аза. – Так можно и весь день проспать. На табурете не было ни тарелки, ни кружки, а остался один кувшин.

«Значит, пока я спала, приходила служанка, но я ничего не слышала. Что со мной? У меня же всегда был чуткий сон! Хотя я же сегодня почти не спала ночью».

Аза улыбнулась.

– Как ты себя чувствуешь? – осведомился Вадим.

– Прекрасно, – ответила ему жена. – Я же только притворяюсь. Или ты забыл об этом?

Она села на постели и, подставив лицо льющимся из открытого окна солнечным лучам, воскликнула:

– Я счастлива!

Вадим обнял ее. Азе было так уютно в его объятиях, что у нее от блаженства глаза сами закрылись. Она ощутила, как губы Вадима коснулись ее шеи и застонала от удовольствия...

Они долго лежали рядом обессиленные, не произнося ни слова. Первой заговорила Аза:

– Мне сейчас кажется, что мы одни на целом свете.

– Увы, это не так – вздохнул Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.